Политолог Вячеслав Лихачев: за последние годы в Украине никто не осужден за антисемитские преступления

Мемориал жертвам Холокоста в Одесской области, разрушившийся по естественным причинам

Справедлив ли доклад министерства по делам диаспоры Израиля, где Украина названа лидером по антисемитизму среди стран бывшего СССР, сколько инцидентов на почве ненависти фиксируется в нашей стране и почему власть столь пассивна в борьбе с ксенофобией — об этом и многом другом в интервью с главой Группы мониторинга прав национальных меньшинств Вячеславом Лихачевым.

— Вячеслав, уже несколько недель СМИ на все лады перепевают доклад министерства по делам диаспоры Израиля, где Украина названа лидером постсоветского пространства по антисемитским инцидентам, число которых якобы увеличилось в 2017 году вдвое. Известны ли авторы доклада и его методология?

— Авторы документа не указаны, что же касается его источников, то они представляют собой сборную солянку из Интернет-сообщений о

происшествиях самого разного толка. Методология, если можно так выразиться, заключается в механическом суммировании самых разных инцидентов, на основании чего и сделан вывод о двукратном росте по сравнению с предыдущим годом.

— Приводится ли в докладе конкретная цифра антисемитских актов?

— В том-то и дело, что нет — вдвое больше, и все, причем фраза о двукратном росте повторяется неоднократно. Нет и полного списка инцидентов, а лишь отдельные примеры. Поэтому и проверить количественные показатели невозможно, тем более, что статистика за предыдущие годы тоже отсутствует. Авторы просто механически собрали все, что сумели найти в Интернете и социальных сетях. Отражает ли это объективную картину? На мой взгляд, нет.

— А на какой методике основан ваш мониторинг?

— Во-первых, мы не дайджест СМИ и социальных сетей и не просто фиксируем сообщения об антисемитских инцидентах, а проверяем каждое из них. Находим того, кто первый сообщил об инциденте, был на месте события, обращаемся в полицию, к местным властям, в еврейскую общину.

Что это означает на практике? Например, один из резонансных случаев был интерпретирован всеми СМИ как осквернение Меноры в Бабьем Яру, которую неизвестные вандалы якобы залили красной краской. При проверке оказалось, что подтеки образовались в результате таяния воска больших поминальных свечей, установленных на мемориале израильскими туристами.

Бывали и обратные случаи, когда при проверке выяснялось, например, что антисемитские граффити были оставлены не только на самом объекте, но и вокруг него — мы действительно верифицируем каждый инцидент.

Кроме того, в отличие от израильских коллег, мы берем на себя смелость вывести итоговую цифру преступлений за год. Так, в прошлом году было зафиксировано 24 случая антисемитского вандализма по сравнению с 19-ю инцидентами в 2016-м.

Антисемитское граффити на здании «Хесед Шпира», Ужгород

— Много ли это или мало по сравнению с другими постсоветскими странами и государствами Европы?

— Действительно, как отмечено в израильском докладе, 24 антисемитских инцидента — это больше, чем в других постсоветских странах. Важно понимать, что мы говорим именно о вандализме, поскольку случаев антисемитского насилия в Украине в прошлом году отмечено не было — в то время как во Франции зафиксировано 60 — 70 подобных инцидентов, включая вооруженные нападения на евреев…
В Украине прямой угрозы жизни и безопасности евреев просто нет. Это тем более показательно, что на гребне волны антисемитизма в 2006 — 2007 гг. фиксировалось до 10 и больше пострадавших от антисемитского насилия в год.

— В вину украинским властям авторы доклада ставят недостаточно жесткую реакцию на проявления антисемитизма, которые часто квалифицируются правоохранителями как «хулиганство». Ваш мониторинг это подтверждает?

— Это старая проблема — большинство инцидентов квалифицируются без учета мотивов ненависти. Считанные дела были открыты по 161-й статье УК, которая сформулирована очень неудачно — это вина законодателей, а не

правоохранителей. Полиции остается развести руками. Как говорил мне один следователь, в духе «шашечки или ехать» — вам нужна квалификация преступления на почве ненависти или инструментарий, который позволит передать дело в суд?

Эффективность правоохранительных органов тоже вызывает нарекания — за последние годы практически никто не наказан за антисемитские преступления. Нельзя сказать, что именно в этой сфере полиция работает спустя рукава — она у нас в целом крайне неэффективна. Что говорить об оскорбительных граффити, если самые громкие преступления последних лет не раскрыты — от убийства Шеремета до дела бриллиантовых прокуроров.

В прошлом году виновные в двух инцидентах все-таки были установлены и понесли хоть и не уголовную, но административную ответственность — в обоих случаях речь идет о подростках-вандалах. Вспомним также о странной истории с задержанными осенью прошлого года провокаторами, которым инкриминируют аж пять антисемитских инцидентов. Нет уверенности, что все эти преступления на их совести, но, тем не менее, активизация правоохранительных органов налицо.

— А что вообще в Европе включается в понятие антисемитского инцидента? Учитываются ли ксенофобские заявления в социальных сетях, например?

— По методике ОБСЕ преступлением на почве ненависти считается инцидент на почве ненависти, являющийся преступлением согласно национальному законодательству. А национальное законодательство везде разное. У нас, например, эта сфера отрегулирована крайне плохо.

На Западе в число антисемитских инцидентов включаются и публичные высказывания, и вербальная агрессия, и оскорбления, и адресные угрозы — то, что мы не беремся подсчитать. Так же, как и преступления с целью грабежа, даже если в ходе нападения звучали антиеврейские высказывания. В нашей методологии об антисемитском преступлении можно говорить, если оно совершено именно на почве ненависти, а не корысти.

Поясню на примере из другой сферы. Оскорбление, в грубой форме характеризующее оппонента как представителя ЛГБТ-сообщества, является одним из самых распространенных в Украине ругательств. Каждая вторая

драка сопровождается подробными выкриками, и вряд ли этого достаточно, чтобы засчитать эти инциденты в число преступлений на почве гомофобии. Но, согласно методологии ОБСЕ, они были бы квалифицированы как инциденты на почве ненависти.

Характерен нашумевший случай с избиением харьковского врача, сопровождавшийся оскорблением его национального достоинства. При этом, со слов самого потерпевшего, поводом для нападения послужило не его этническое происхождение, а профессиональная деятельность, поэтому мы не расцениваем это как преступление, совершенное на почве антисемитизма.
Мы вполне осознаем, что данные, представленные в мониторинге по итогам года, — минимальные, но это именно преступления на почве ненависти.

Осквернённый памятник в Черкассах

Треснувшая плита на могиле Йехиэля-Михла Хагера, Сторожинец

— В особый раздел вы выделяете неподтвердившиеся сообщения об антисемитском насилии и вандализме. Можно несколько наиболее ярких примеров?

— В одном ряду с «осквернением» Меноры стоит случай с «разрушением» памятной стены на мемориале жертвам Холокоста в Одесской области,

которое произошло по естественным причинам.

Другой характерный инцидент, о котором в Украине мало кто знает, в отличие от Израиля, где он широко разошелся по сетевым религиозным ресурсам. Речь идет об обнаружении паломниками разрушенного охеля цадика Йехиэля-Михла Хагера на еврейском кладбище в Сторожинцах Черновицкой области. Это было расценено как акт антисемитского вандализма, но мы связались с администрацией кладбища, я поговорил со сторожем, и выяснилось, что охель был разрушен в результате падения дерева после бури. Просто само дерево сторож убрал, а треснувшая плита осталась. Это, разумеется, недоразумение чистой воды — никто не ставил целью кого-либо очернить.

Сознательная дезинформация встречается реже — в прошлом году, например, сообщили сначала об избиении в Харькове еврея неонацистами из «Азова», а позднее о том, что пострадавший скончался. Все это сопровождалось вбросом в социальные сети фальсифицированных доказательств, подложных фотографий пострадавшего, явно поддельного милицейского протокола и т.п. Потребовалось расследование, чтобы доказать, что такого инцидента не было в принципе и такого человека не существует. Но это, действительно, редкий случай. Возможно, потому, что на такие провокации мы оперативно реагируем и публично опровергаем ложную информацию.

— Наиболее широкий резонанс вызывают публичные проявления ксенофобии, что не удивительно, поскольку речь зачастую идет о медийных персонах. Отмечаете ли вы отрицательную динамику в этой сфере?

— Скорее, наоборот. И в 2015-м, и в 2016-м году в годовщину Революции достоинства, различные праворадикальные политические силы проводили свои мероприятия, в ходе которых прямо со сцены Майдана звучали антисемитские спичи. В прошлом году такого не было. Из действительно публичных фигур, отметившихся подобными заявлениями, можно назвать только Надежду Савченко, но то, что она наболтала, объективно на статью не тянет.

Если мы говорим о политических фигурах, то стоит упомянуть и скандал с антисемитским постом в Facebook главы фастовского отделения ВО «Свобода» пана Горбинко.

При этом важно понимать масштаб — пять лет назад депутаты от ВО «Свобода» практически с парламентской трибуны позволяли себе антисемитские высказывания — это не идет ни в какое сравнение с абзацем в FB от главы фастовской районной организации.

— Насколько справедлива ремарка авторов доклада о том, что все чаще для украинских политиков мишенью для нападок становится реальное или мнимое еврейское происхождение оппонентов?

— Никак не могу согласиться, хотя допускаю, что при обострении политической борьбы в преддверии выборов условный дискурс Вальцмана — Капительман всплывет. Он всегда всплывает в период избирательной борьбы и, что характерно, никогда не влияет на ее исход.
На фоне премьер-министра Гройсмана странно приписывать еврейские корни Порошенко или Тимошенко. Заметьте, что даже в поиске серых кардиналов никто не попрекал еврейским происхождением бывшего главу президентской администрации Бориса Ложкина, хотя он никогда не скрывал своей национальности. Наверное, интереснее придумывать «настоящую» еврейскую фамилию Тягнибока.

— Что, на ваш взгляд, мешает вынесению судебных решений по «антисемитским» статьям, и осознают ли отечественные элиты, насколько ухудшает эта пассивность власти имидж Украины на международной арене? Если государство не реагирует на проблему, всегда найдутся те, кто обвинит его в сознательном попустительстве антисемитизму — это же очевидно...

— Скоро, возможно, осудят тех, кого публично на самом высшем уровне назвали провокаторами, и у нас появятся виновные в антисемитских (и многих других) преступлениях последних лет. А если серьезно, то для того, чтобы процесс пошел, нужно, чтобы глава государства особо подчеркнул необходимость борьбы с преступлениями на почве ненависти, как это сделал Ющенко в 2008 году. Тогда это очень помогло сбить полицейскими — не всегда корректными — методами нарастающую волну ксенофобского насилия.

Аналогичную ситуацию мы наблюдали в 2012-м перед чемпионатом Европы по футболу, когда после ряда сообщений западных СМИ проблема расизма получила широкий общественный резонанс, и политическая воля вкупе с полицейским давлением помогли придушить активные расистские группировки.

Осквернённые мемориалы жертвам нацизма в Тернополе и Черновцах

Готовы ли элиты сегодня применить политическую волю для решения этих проблем? Нет, поскольку они не осознают, сколь важен этот вопрос для международной репутации. Все действия в предвыборный период рассчитаны на симпатии избирателя, а для украинского общества тема антисемитизма не является значимой или выигрышной. Не думаю, что президент или глава МВД готовы акцентировать внимание на этой проблеме. Тем более, что в отношениях с окружающим миром у Украины есть одно замечательное оправдание для всего — это российская агрессия и в нашем случае — возможность списать все на российских провокаторов.

— А тезис о российской провокации хоть раз за эти четыре года подтвердился? Кто-то поймал за руку провокаторов? Можно долго кричать волки, но настает момент, когда надо предъявить хоть одну шкуру…

— Абсолютно верно, поэтому МВД и СБУ предъявили осенью прошлого года вышеупомянутых персонажей, другое дело, что непонятно, был ли кто-либо покусан этими волками. Как бы то ни было, за последние четыре года из без малого сотни антисемитских инцидентов виновные были установлены лишь в трех, и никто из задержанных не был российским провокатором.

При этом некий процент преступлений, безусловно, может быть списан на провокации. Как, например, недавнее осквернение Музея Холокоста, еврейского общинного центра и здания Бродской синагоги в Одессе. Сложно представить даже русскоговорящего одессита, делающего вопиющую ошибку в граффити «Україна для українців», — для этого надо совсем не знать украинский язык.

Кроме того, слишком уж очевидно в данном случае стремление немедленно продемонстрировать результаты вандализма. Буквально накануне на youtube был зарегистрирован канал от имени некой организации «Українські санітари», о которой раньше никто ничего не слышал. И практически сразу после инцидента там выложили видеозаписи, демонстрирующие оскорбительные граффити («Геть жидів Україна, для українців; «Тьота Соня не спасе тут господарь українець!»), символы «волчьего крюка» и т.п.

Граффити на Музее Холокоста, Одесса

Все это и впрямь очень смахивает на провокацию, но, должен заметить, что подавляющее большинство преступлений на почве ненависти вполне объяснимы без «руки Москвы». Вспомните громкое нападение в конце 2016-го на памятник жертвам Холокоста у Закарпатской областной филармонии (бывшей синагоги) в Ужгороде. Монумент был залит красной краской, рядом валялась груда антисемитских листовок, где под надписью «Пам’ятай, хто вбивав твій народ» был изображен комиссар-еврей. Новость об этом с видеороликом и подробным фотоотчетом мгновенно появилась на ФБ-странице организации «Карпатська Січ», лидеры которой заявили, что «акція трохи радикальна, але вона має зміст, має душу». Собственно, само размещение подобного ролика подпадает под уголовную статью, но ни это, ни возможная причастность к инциденту ультраправой «Карпатської Січі» не вызвали вопросов у правоохранителей.

А ведь даже несмотря на несовершенство законодательства, у прокуратуры есть инструменты для пресечения противоправных действий. Например,

вынесение предупреждений и закрытие СМИ, что предусмотрено соответствующим законом, требование к провайдерам о блокировке антисемитских высказываний на сайтах и в социальных сетях, но ничего этого не делается. Почему? Да потому, что важность проблемы и ее крайне негативное влияние на имидж страны, к сожалению, не осознается не только политическими элитами, но и значительной частью гражданского общества.

Беседовал Михаил Гольд